

Его детство прошло среди гор. Он рос, а горы, казалось, становились еще выше, еще ближе к звездам. Потом в его жизнь ворвалась музыка, наполнив собой каждый день, каждый час. В ней нашел он себя и с тех пор неутомимо поднимается к ее вершинам, стремясь к совершенству, которому нет предела. Талант — это мужественное и непреклонное восхождение.

...Отзвучал финальный хор оперы «Война и мир», и зал обрушил на сцену шквал аплодисментов. В этом гуле тоннуло слабое постукивание смычков по шопитрам — музыканты поздравляли с успехом дирижера, имя которого до этого спектакля не значилось в театральных афишах. А он был в вихре прокофьевских мелодий и еще не осознавал одержанной победы.

Валерий Гергиев, стажер Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, на спектакле «Война и мир» был ассистентом музыкального руководителя постановки народного артиста РСФСР Юрия Темирканова. И главный дирижер театра высоко отозвался о работе Валерия.

На следующее утро после дебюта мы встретились в уютном театральном фойе. Было тихо, и лишь приглушенные звуки репетировавшего за стеной оркестра аккомпанировали нашей беседе.

Казалось, что вчера во фраке Гергиев выглядел солидней и старше. Уверенность, с которой он провел сложнейший спектакль, словно добавила ему лет. Мы знали, что Валерию всего двадцать четыре года, и все же он поразил нас своей молодостью. По-спортивно подтянутый, стройный, в джинсовой куртке, наш собеседник скорей походил на сту-

дента. И это было недалеко от истины, ведь еще и года не прошло с тех пор, как он получил дирижерский диплом. Пять лет и пятьдесят шагов — такой путь лежал перед ним через улицу Глинки, отделяющую Консерваторию от Кировского театра.

ГЕРГИЕВ. Сколько себя помню, в родительском доме всегда звучала музыка. Мама хорошо играет на осетинской гармонике. За рояль впервые я сел в восемь лет, но тогда меня по-мальчишески все увлекало — рисовал, лепил, занимался спортом и математи-

кой театр, Эрмитаж, Филармония, Публичная библиотека... С радостным сердцем приходил он по утрам в Консерваторию — учился пылливо, азартно, легко. Как романами, зачитывался партитурами. Часами просиживал за роялем, исполняя в четыре руки с преподавателем полифонии Олегом Павловичем Коловским фуги, симфонии, фрагменты из опер. А сколько вечеров провел он в гостеприимном доме Ольги Евгеньевны Вольф, преподававшей чтение симфонических

только возрастом, но и мастерством опровергают сложившееся мнение о том, что дирижирование — привилегия зрелых лет. Однако комсомолец Валерий Гергиев и среди молодых выделяется своей юностью. И тем более примечательно, что у него за плечами уже две впечатляющие победы — на всесоюзном и международном конкурсах. Первую награду он завоевал еще студентом, когда за его спиной было чуть больше трех курсов Консерватории. Еще более убе-

ГОРЫ И МУЗЫКА

ной. А потом как-то сразу пришлось твердое решение: музыка! Счастливая встреча открыла для меня в четырнадцать лет путь к дирижерскому пульту. Мальчишкой я прочел свой первый концерт с профессиональным оркестром. Мой учитель, главный дирижер Государственного северосетинского театра Анатолий Аркадьевич Брискин, не делал никаких поправок, воспитывал во мне твердость и самостоятельность. До сих пор вспоминаю репетиции у себя дома, в Орджоникидзе, когда моей дирижерской палочке подчинялись музыканты, годившиеся мне в отцы, а то и в деды.

Когда спустя несколько лет студент Ленинградской консерватории Валерий Гергиев приехал в Орджоникидзе с концертом, его репетиция почти ошеломила музыкантов. За пультом стоял строгий, уверенный в себе и требовательный дирижер.

В эти короткие приезды было особенно заметно, как стремительно рос и мучал его талант. Ведь в Ленинграде, образно говоря, он тоже оказался среди гор. Ими были Киров-

партитур! Здесь все дышало памятью о знаменитых петербургских музыкантах. Ее отец знал многих из них, он был концертмейстером в оркестре самого Направника! В жизни Валерия входили Бетховен, Вагнер, Чайковский, Шостакович.

ГЕРГИЕВ. До обидного быстро летело время. Нам не хватало дня, и нередко в общекитин, заварив чай покрепче, мы просиживали до глубокой ночи. Я подружился со студентами композиторского факультета и на консерваторских фестивалях исполнял их произведения. За семь дней, поразив всех нас, Саша Смелков написал прекрасную симфонию. Образцом трудолюбия был Нгуен Ван Нам из Вьетнама, аспирант композиторского факультета. Вот уж он мог работать без праздников и выходных! Я продиринжировал его концерт-симфонию для виолончели с оркестром — она имела огромный успех. С тех пор у меня стало правилом включать в свои программы наряду с классикой и музыку молодых.

Дирижерская профессия молодает. Все чаще встают за пульт музыканты, которые не

дители его успех на международном конкурсе «Фонд Гербера фон Караяна» в Западном Берлине, где он опередил всех.

На это творческое состязание съезжалось около семидесяти дирижеров из многих стран, а Валерий был единственным посланцем Советского Союза. Путь к победе лежал через пять туров, причем каждый музыкант должен был разучить восемнадцать симфоний. Конкурсант вставал за пульт, и только тогда узнавал, что ему предстоит исполнить. Валерий опередил ближайшего соперника на целых четыре балла. Вторым был 26-летний польский дирижер Янек Каспичик. Комментируя итоги конкурса, одна из западноберлинских газет вынесла в заголовок: «Премии ушли на Восток».

ГЕРГИЕВ. Я испытывал огромную радость оттого, что такой оркестр у меня под руками! Он не требовал времени на черновую работу — все можно было играть с листа. Как победитель я получил

право выступить с ним в концерте. Выбрал Шестую симфонию Чайковского. Потом был еще один праздник — концерт Караяна. В высшей степени одухотворенное дирижирование! Я опомнился только после концерта и с удивлением поймал себя на том, что забыл о своей профессии: не следил за его руками. Очень честным было для меня приглашение маэстро приехать на гастроли в Западный Берлин.

В Западном Берлине принимал награду Гергиев, а в Ленинграде поздравляли с победой профессора И. А. Мусина, который уже полвека растит дирижерскую смену. Среди его учеников — Константин Симеонов, Одиссей Дмитрияди, Юрий Темирканов. Учился у него и первый наставник Гергиева. И, может быть, именно с именем Мусина во многом связано представление о такой богатой яркими индивидуальностями ленинградской дирижерской школе. Валерий — в числе любимых питомцев Ильи Александровича. Но он не считает Гергиева легким учеником из числа тех эффектных музыкантов, которые все схватывают на лету. «Мне импонирует его углубленная, сосредоточенная манера работы над партитурой, — говорит профессор. — Валерий напоминает мне скульптора, который выбирает не известняк, а гранит. Обстоятельно трудится он над партитурой. Не спешит выступать перед аудиторией, углубленно вынашивает новое для себя сочинение. И чем полнее он его постигает, тем более одухотворенным получается исполнение. Музыка для него — сама жизнь».

ГЕРГИЕВ. На гастролях в Орджоникидзе, Минске, Свердловске я исполнял симфонии Брамса, Бетховена, Шостаковича, музыку Равеля, Бартока, Рахманинова. Очень люблю Моцарта. Это для меня, пожалуй, самый загадочный композитор. Писал он очень просто, и есть опасность воспринимать его музыку, как лимо-

над. Надо войти в нее, тогда открывается целый океан. Это как у Леонардо: пойди разберись, улыбаются Джоконда или Явизит, святая она или земная. Моцарта все время можно играть по-разному и всякий раз доказывать свою правоту. Мне очень помогают в работе над партитурой ассоциации с живописью. В мозгу возникают целые картины. Но рассказать об этом необходимо, не прибегая к словам. Мне кажется, на репетиции дирижер должен быть немногословным. Оркестр — это единый инструмент, и сыграть на нем надо как можно лучше.

Вчерашний студент, Валерий Абисалович Гергиев приходит в родную Консерваторию как начинающий педагог. Он занимается со студенческим симфоническим оркестром, который уже дал несколько концертов под его управлением. Большое впечатление на слушателей произвело исполнение Двенадцатой симфонии Шостаковича, посвященной памяти В. И. Ленина.

...ПОДХОДИТ к концу наша беседа. У Валерия репетиция, он спешит. И вдруг со смехом говорит о том, к чему иногда приводит «спешка в искусстве». Его вчерашний дебют начался с сюрприза. Перед последним звонком, когда оркестранты заняли свои места, Валерий надел фрак и, взглянув в зеркало, обнаружил, что он слегка помят: его неудачно повесили в гардеробной. Ахнув, костюмерша помчалась за утюгом. Такие курьезы кажутся забавными, когда они позади. К счастью, у Гергиева оказались крепкие нервы, и он спокойно дождался, когда с помятого плеча исчезнут складки.

По-видимому, для талантливого человека существуют лишь счастливые приметы.

В. ГАНШИН,
О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛенТАСС